

при видѣ полковника, проѣзжающаго вдоль фронта. Тѣмъ не менѣе, невольно спрашиваешь себя: въ состояніи ли онъ понимать Гёте?

По моему, нѣтъ; во всякомъ случаѣ Гёте не имѣлъ на него никакого вліянія. Я не помню, чтобы онъ хоть разъ привелъ въ своихъ рѣчахъ слова Гёте. Шиллеръ ему скорѣй по душѣ; но нѣтъ сомнѣнія, что ни одинъ поэтъ такъ не близокъ его душѣ, какъ Шекспиръ. Онъ родился и выросъ въ то время, когда Шекспиръ былъ кумиромъ романтиковъ и проникъ къ семейному очагу всѣхъ и каждого въ Германіи. Онъ глубоко изучилъ его и постоянно цитируетъ; но изъ всѣхъ шекспировскихъ типовъ любимый герой его, повидимому, Готспоръ, самое же любимое мѣсто въ „Генрихѣ IV“, навѣрное то, гдѣ Готспоръ описываетъ ярость, въ которую онъ пришелъ, когда, запыленный, закопченный пороховымъ дымомъ, окровавленный, онъ принужденъ былъ въ пылу битвы на Холмдонскомъ полѣ давать отчетъ прилизанному придворному кавалеру. Это мѣсто Бисмаркъ приводитъ въ одной изъ своихъ рѣчей, какъ рисующее собственныя его чувства, когда онъ, въ самомъ пылу политической дѣятельности, всю трудность которой никто въ рейхстагѣ себѣ и представить не можетъ, принужденъ бываетъ вдругъ давать отчетъ первому встрѣчному парламентскому критику. Если Бисмаркъ читаетъ Шекспира охотнѣе чѣмъ Гёте, то это не случайность: онъ самъ—живое шекспировское лицо.

Сравнивая Мольте и Гёте, этихъ двухъ геніальныхъ и мощныхъ представителей новой Германіи—нельзя не замѣтить, какъ въ личности Мольте, никогда въ своихъ сочиненіяхъ не цитирующаго Шекспира, но за то очень часто древнихъ писателей, постоянно проблескиваетъ что-то античное, въ немъ самомъ какъ будто сконцентрировалась и вылилась наружу та частица эллинскаго духа, которая всосалась, мало-по-малу, въ нѣмецкую цивилизацію и, благодаря которой, цивилизація эта ушла такъ далеко и такъ быстро впередъ; между тѣмъ, какъ Бисмаркъ, не имѣющій ничего общаго съ духомъ древней Эллады, напротивъ скорѣе можетъ намъ казаться, олицетвореніемъ древняго германскаго духа, общаго въ своей колыбели для нѣмцевъ и англичанъ, съ его неукротимой энергіей и дѣятельной силой.

Что представляетъ собою Бисмаркъ для Германіи? Желѣзную перчатку, которую выковали для Гёца Ф. Берлихингена, когда ему отрубили руку. Цѣлое столѣтіе Германіи недоставало живой силы, силы правой руки; затѣмъ у нея явился желѣзный канцлеръ, желѣзное орудіе, которое своимъ безчувствіемъ и твердостью возвратило гиганту его прежній бодрый видъ. Но рука эта чужда